

Джули Чхртишвили

Мозаика жизни

Джули Чхртишвили

Мозаика жизни

«Издательские решения»

Чхартишвили Д.

Мозаика жизни / Д. Чхартишвили — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936497-5

Жизнь наполнена событиями, выборами и решениями. Нитью через нее протягиваются люди — близкие и далекие, но никогда не случайные. В этой книге — история одной женщины, ее судьба и мысли. Вы спросите, сколько же сокрыто в одном человеке? Конечно, целая Вселенная.

ISBN 978-5-44-936497-5

© Чхартишвили Д.
© Издательские решения

Содержание

1. Мозаика жизни, но не вся жизнь	6
2. Откуда	7
3. Мой Тбилиси и монисто	9
4. Война. Бабушка	11
5. Керчь, заводской двор, пляж, война	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мозаика жизни

Джули Чхартишвили

© Джули Чхартишвили, 2019

ISBN 978-5-4493-6497-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Мозаика жизни, но не вся жизнь

«Оправдание моё в искреннем желании высказать правду, как я её понимаю. И кто знает, сколько раз я, сама не подозревая, мифом буду замещать правду, уже забытую на этом лоскутном одеяле жизни».

Л. Улицкая

Жизнь моя была такая же, как у многих представителей моего поколения. Она сталкивала меня с интересными людьми и явлениями времени. Вот о некоторых этих встречах я и хочу написать. Я благодарна судьбе, что хватило ума не пройти мимо них, запомнить и, в меру своих возможностей, оценить.

Дневников я не вела, многие подсказки уничтожила сама жизнь. В моей жизни есть моменты, о которых я и вспоминать не хочу, и думаю, что и окружающим они неинтересны. А пишу всё это, потому что, говоря языком молодых, мой старший сын, Сандрик, «достал» меня. Стоит мне вспомнить и рассказать какой-нибудь «случай из жизни», как слышу: «Запиши то, что ты сейчас рассказала. Запиши!» А я знаю, что мои «устные рассказы» лучше, чем записанные. Может быть, когда-нибудь обзаведусь диктофоном, но пока начала и упорно продолжаю писать.

Но прежде, чем рассказать о конкретном, немножко об истоках. Прочитую беспощадную Людмилу Улицкую.¹ «Хорошо вам, атеистам. Единственная мера всему – собственная совесть. В вашей католической Италии церковь всегда победительная. Потом, ничего не поделаешь, на Западе церковь слита с культурой, а в России – с бескультурьем... В России церковь отвыкла за советские годы быть победительной. Быть гонимой и униженной ей больше к лицу. Но вот что произошло – с переменой власти наша церковь пала на спину и замурлыкала государству: любите нас, а мы будем любить вас. И воровать, и делиться... И церковный народ принял это с ликованием». (Как на меня разозлится Сандрик. Боюсь, попытается уничтожить предыдущую часть. Не разрешаю!) Интересно, как у нас в Грузии? Ведь я родилась в православной Грузии, а крестили меня в католической церкви. И вообще, откуда я и зачем? На последний вопрос ответа никогда не будет, а вот откуда?

¹ Людмила Улицкая «Даниэль Штайн, переводчик», 2008 год, Москва, ЭКСМО.

2. Откуда

Родилась в 1937 году. Отец мой, Иван Семёнович, из небольшого городка Ахалших, который находится на пути многочисленных вторжений Турции в Грузию. И сейчас здесь можно найти наконечники от средневековых оружий. Существует книга (сама читала, но, увы, не запомнила ни автора, ни год издания, а название ориентировочно «Происхождение грузинских фамилий»), изданная, кажется, в Тбилиси, в первой половине 20-го века, где указано: «Игитхановы, ранее Гмирадзе». Об этом позднее указано в статье газеты «Боржоми».

В семье моего отца бытовала легенда, не подтверждённая специальными изысканиями членов семьи, но косвенно подтверждённая фактами истории. Легенда следующая: когда истекающая кровью Грузия послала своих представителей в Россию, «так мол и так, стоим фактически на страже нашей общей православной религии, защищаем её от общих врагов от представителей мусульманской религии, которые вместе с попыткой уничтожения нашей религии, уничтожают и православных. Нужно вместе противостоять этому злу, помогите!!!» Россию в этот период не интересовал далёкий юг. Интересы её власти были на западе. Тогда некоторые грузины обратились к Ватикану. Ватикан решил: кто хочет остаться христианином, пусть переходит в католичество и на них будет распространено условие договорённости с османской империей – католиков не трогать! Для крещения в католичество были присланы католические священники-армяне, отсюда такие «оригинальные» переименования грузинских фамилий. Сейчас грузин-католиков около 50 тысяч. Компактно они проживают в основном на границе с Турцией. В число католиков Грузии входит и семья моего отца.

Молодые представители семьи в основном сегодня переходят в православие, тем более, что один из родителей, часто православный. Это их выбор, молодых. Моих мальчиков, мой православный муж тоже крестил в православной (Дидубийской) Церкви. Я, по мере возможностей, помогала ему.

У моей бабушки Мариам, матери отца, было пять сестёр. Когда моя прабабушка должна была родить седьмого ребёнка, мой прадедуска, дровосек, пошёл в лес и стал молиться: «Боже, подари мне сына, я подарю его тебе». Родился сын. Дровосек смог его обучить в иезуитской семинарии. Сын оказался очень способным мальчиком. Учился очень хорошо, знал несколько иностранных языков и, когда вырос, очутился вместе с двумя сёстрами-монахинями (моими двоюродными бабушками) в Ватикане. Там умерла и похоронена одна из них. Мой двоюродный дедушка с сестрой вернулся в Грузию. Были частыми гостями, как мне рассказывали, местного КГБ, к счастью без серьёзных последствий. Моя бабушка меня водила к своей племяннице (дочери самой младшей из сестёр), у которой жили старики, приехавшие из Ватикана. Я помню, как к ним приехали гости из Ватикана. Один из них был француз, а двое других – итальянцы. Они приехали из Москвы, где были по каким-то религиозным делам и, кажется, испросили разрешения у самого Сталина посетить Тбилиси и старого единоверца.

Бабушка моя, ревностная католичка, в годы войны, когда на фронте находились её три сына (мой отец был младшим), молилась каждый день троекратно. Все трое вернулись с фронта. Как-то она начала учить меня молитве «Ave Maria». Узнав про это, мой отец сказал ей: «Не порть, пожалуйста, моего ребёнка». Бабушка перестала меня учить.

Другая бабушка, мать мамы, была тоже очень верующей, григорианкой, но почему-то очень не любила священников. Вот так.

В школе с пятого класса я была председателем совета дружины, а потом секретарём комсомольской организации школы. Вообще-то, я всегда чувствовала себя внутренне робкой, но почему-то этого не очень замечали в школе. Может быть потому что училась я очень хорошо. Память была отличная, а уроки в большинстве случаев делала на переменах, в тот же день, когда задавали домашние задания. Особенно легко мне давалась математика, я её просто

любила. Где-то в 6—7ом классах я увлеклась живописью. Т.е. я не рисовала, даже не пыталась, а с увлечением рассматривала, по-своему изучала репродукции великих, по возможности ходила по музеям, и вдруг поняла, что в девяти случаях из десяти не понимаю, что в картине происходит, чем так озабочены персонажи картин. Тогда я была очень конкретным человеком, пошла к завучу школы и поставила прямо вопрос: почему нас не учат истории религии? Ведь иначе мы не станем образованными людьми! Шёл 51-ый год двадцатого столетия. У завуча округлились глаза. «Не смей повторить этот вопрос! Никогда!!!» А я начала искать Библию – главную книгу. Я увидела впервые Библию у моей соседки Наташи, моей ровесницы. Это была русская семья, живущая на первом этаже нашего дома – «Дома ударников». Но Наташа не решилась одолжить мне её, побоялась реакции взрослых членов семьи. Соседи шептались, что семья Наташи – сектанты: то ли баптисты, то ли ещё кто-то. Не знаю.

Первую Библию мне подарил Сандрик, мой старший сын. И я её прочла впервые в возрасте 60-ти лет. О религии, о её течениях, истории я узнавала в течение всей жизни отрывками, случайно, в основном читая вовсе не религиозные книги, но написанные религиозно образованными людьми.

В таком пёстром мире я родилась, росла, но меня в этом мире очень любили. Даже однажды моя двоюродная сестра Ира, с обидой сказала: «Почему тебя они (бабушка и дедушка) любят больше, чем меня?» Не знаю почему. Честно. Но любили.

Долгие годы маленький городок Ахалцихе (в переводе с грузинского – «Новая крепость») считался городом не большой значимости, заштатным. Но он был расположен на границе СССР с Турцией и в советское время, чтобы доехать до него, надо было запастись специальным пропуском и во время поездки представлять его военнослужащим советской армии.

И вот, летом 2012 года экран телевизора в Тбилиси вдруг взорвался замечательными кадрами. Рабат, район Ахалцихе, где родился мой отец, возродился. Его отреставрировали. Это было место, где рядом стояли православная и католическая, григорианская (армянская) церковь, синагога и мечеть. Кадры ошеломляли. Звонили и спрашивали «видела ли?». Видела! Вспомнила рассказы отца о Рабате, ведь он родился в этом районе. У него был хороший голос, и мальчиком он пел в хоре католической церкви. Мои двоюродные брат и сестра, их семьи, поехали в Ахалцихе, полюбоваться Рабатом и пришли в восторг. Да, многое утрачено, нет руин. Но восстановлен и как красиво! А руин церквей в Грузии достаточно. Открытие Рабата отметили грандиозным фейерверком и концертом замечательного неувядаемого Азнавура. Это я сама смотрела по телевизору.

3. Мой Тбилиси и монисто

Я очень люблю Тбилиси. Очень. Почему? На мой взгляд, странный вопрос. И когда я об этом задумываюсь, всегда вспоминаю одно и то же. Я прилетаю в Тбилиси и выхожу из самолёта на верхнюю площадку трапа и вдыхаю тбилисский воздух. И всё. Я тбилисская девушка, женщина, бабушка.

Я жительница Тбилиси. Здесь, наверное, много недостатков. Но это всё моё. И такой я умру. Многие ругают своих детей. И такие, и сякие, и этакие. Я молчу. Да, мои хорошие, но сделали всё, чтобы лишить меня главного – Тбилиси, моего Тбилиси, нехорошего, с недостатками, но моего. Когда в молодости я поступила в аспирантуру и начала учёбу в Москве, то почти каждый вечер выходила из общежития и от Донского проезда (ныне ул. Стасовой) шла в сторону полукружья зданий академика Щусева. Сейчас там стоит Гагарин. Мне казалось: ещё миг и я увижу Тбилиси. Но его не было, и я шла и тихо плакала. Как я скучала без него! Как я сейчас скучаю!

Я почти задыхалась в Москве, особенно в первый год учёбы. Знаю, что значит «ностальгия». И ещё я вспоминала. Утро. Я бегу в институт, в ГПИ – Грузинский политехнический институт. Дисциплина в те годы железная. Если я ночевала дома, то в институт иду пешком, а если у бабушки с дедушкой, то бегу к остановке троллейбуса в самом центре города, пробегая маленькие улочки Солولاки. Везде, как цветы, меня встречают немолодые курдианки в своих национальных одеждах. Тогда в Тбилиси была своеобразная традиция: дворничиха – курдианка. В Москве в это время «холодные» сапожники и чистильщики обуви – татары и айсоры. А какие наряды у этих курдианок! Я один раз имела возможность наблюдать как одевалась одна из них, так как одна очень приятная пара курдов поселилась в подвале нашего дома. Он – истопник, она – дворничиха. Тогда каждый дом отапливался отдельно. В наш многоквартирный дом каждый год в конце лета привозили уголь для зимнего отопления. Жильцы выходили и проверяли: хорош ли уголь, сухой ли, достаточно ли его и помогали загрузить в подвал. Подвал был огромен. Тянулся на 5 подъездов.

Упомянутая выше пара быстро обзавелась большим количеством детей и вскоре под всеми подъездами жили семьи курдов, отпочковавшиеся от родителей. Итак, я один раз наблюдала как одевалась прародительница, живущая в нашем подвале. Она ждала ребёнка, хотя вокруг уже бегали её внуки. На ней была холщёвая юбка, на которую курдианка одевала, укреплённую на верёвочке или тесьме, плиссированные прямоугольные кусочки тканей, шириной 0,5—0,7 метров и длиной до пят. Таких фрагментов юбки – с десяток. Каждый кусок – одноцветный. Цвета все яркие – жёлтые, красные, синие, фиолетовые, зелёные. Слегка накладываясь друг на друга, они создавали ощущение буйства красок на фоне ясного, солнечного тбилисского неба. Тесёмки поочередно завязывались на талии, и обладательница этих восхитительных юбок наводила порядок на улицах Тбилиси, поливая улицы из огромных леек, объёмом в 2—3 крупных ведра. Ткани для фрагментов юбок были в основном атласные. Из одного из них шилась кофточка с оборками и в обтяжку. А на груди струились бусы и экзотические монисто, маленький образец которого лежит передо мной. Даже не помню, откуда он приблудился.

Этот кусочек состоит из двух серебряных монет. На них написано «10 коп. 1916». На другой стороне – двуглавый орёл. На гурте каждой монеты приварены 4 кружочка. Монеты соединены друг с другом посредством двух других маленьких кружочков.

Иногда в таких монистах сверкали и звенели по 50 и более монет, а также бусы из янтаря и других камней, натуральных и искусственных. Возможно, этот набор составлялся по каким-то правилам, об этом я вряд ли уже узнаю, а тогда не спросила.

Теперь все курдианки, даже немолодые, одеты обычно, по-европейски и их с виду не очень отличишь от грузинок.

Этот процесс начался в 60-е годы и уже завершён, а мне немного грустно, потому что исчезли эти милые дамы, которые как цветы на асфальте украшали улицы Тбилиси и иногда ворчали на нерасторопных прохожих, которые не очень ловко увёртывались от их огромной метлы или от брызг леек.

Когда я писала всё это, Дато мне прислал смску. Сандрик приехал в Ленинград, в командировку (не хочу и не могу написать – в Санкт-Петербург) и вчера вечером они в кафе «Авлабар» ели хинкали и аджарские хачапури. Дато был очень доволен. Когда-нибудь он поймёт, что он потерял! Авлабар. Хозяин этого заведения, несомненно, тбилисский армянин. В Авлабаре и сейчас компактно живут тбилисские армяне. Догадываются ли об этом русские, которые в Ленинграде недалеко от Исаакиевского собора заглядывают в кафе «Авлабар», знают ли, что это кусочек Тбилиси с его особенностями?

4. Война. Бабушка

За свою долгую жизнь, я, пока что, пережила две войны. Первая – это Великая Отечественная (или Вторая мировая), а вторая – которую Россия вела на территории Грузии несколько дней в 2008 году, «принуждая к миру», слегка отдохнув после чеченских войн. Здесь я речь веду не о второй, потому что эта война не воспоминание, а почти сегодняшний день, а вспоминаю ту, которая началась в 1941 году, когда я, совсем маленькая, лежала в инфекционной больнице со скарлатиной, и, стоя на подоконнике палаты, махала рукой папе, который на второй день войны, уже в военной форме, прощался со мной и с мамой.

Эта война многое определила в моей жизни и прежде всего то, что я пошла учиться в русскую школу – таково было желание отца, высказанное им в письме маме, написанном им во время тяжелейших боёв в Керчи, в начале войны.

Фашисты, как известно, не были на территории Грузии, но они рвались к ней. Конечно, им, прежде всего, нужна была бакинская нефть. Но, перейдя Главный Кавказский хребет, они должны были пройти Грузию, чтобы войти в Азербайджан. Напряжение было колоссальным. Его чувствовала даже я, совсем малышка. Период с момента выписки из больницы, мой отказ ходить в детский сад, чтобы мама смогла работать и переезд на житьё к бабушке с бабушкой – это полный провал в моей памяти. А вот жизнь у бабушки до окончания войны и приезда с фронта отца проходит передо мной с дотошной кинематографической чёткостью. И мне очень хочется зафиксировать здесь значительные для меня моменты этой жизни. Потому что, мне кажется, что именно в этот период было заложено многое из того, что впоследствии стало определяющим в моей жизни. Привычки, характер, восприятие жизни, событий её и её изгибов... Образовался «стартовый капитал», и позитивный, и негативный, всей жизни. Я не знаю, права ли я с точки зрения науки, многих наук (психологии, медицины, педагогики и т.д.), но почему-то я в этом уверена.

Первое воспоминание из этого периода. Утро, всё старшее поколение ушло на работу. Мама, её сестры, бабушка. Дома я и бабушка. Бабушка была неутомимой и малоразговорчивой труженицей! Но в доме всё время слышна речь. Радио. В нашей семье в годы войны радио не выключалось. Это довольно большой, чёрный, круглый предмет, стоящий на комод, из которого целый день был слышен звук. Регулировалась лишь высота звука. Это первая картина, которая возникает передо мной, когда я вспоминаю Великую Отечественную.

Мы знали всё, что передавалось о передвижениях наших войск. Отступление и наступление. Каждое движение. Всё это отмечалось на карте, переживалось. Мы были уверены, а сегодня я нигде не встречала противоположного мнения, что нас точно информировали о каждом свершившемся действии на фронте. О каждом отступлении и наступлении. Ничего похожего на сегодняшнюю работу СМИ. Могла быть невольная ошибка, но не враньё. Военные корреспонденты реально рисковали жизнью, добывая факты. Результаты их работы никогда не воспринимались с учётом коррекции на реакцию «рейтинговых мира сего», «мнение народа» и «патриотизма». Честность и порядочность лежала в основе связки «подача факта – получение информации». Это про информацию.

Но какие классные передачи транслировались в это время по радио: детские, музыкальные, литературные, театральные, искусствоведческие! Это было то, что обозначается всегда термином «высокое искусство». До сих пор помню, например, передачу про композитора Грига. И сейчас, после той передачи, кажется, что по нескольким тактам я узнаю его. Это всё вливалось в меня широким потоком. Шлифовало, развивало вкус ребёнка. Насыщала его фактическим материалом, переносила в мир прекрасного. Я часами могла, не шевелясь, слушать радиоспектакль, концерт, подборку стихов, искусствоведческие передачи. И ещё обнаружилась одна деталь, которая восхитила меня. Это музыкальный слух моей бабушки. Заглянув в ком-

нату, где сидела я и зачарованно слушала что-то, она без затруднения могла сказать: «поет Лемешев», или «слушаешь Бадридзе?» или ещё кого-то, или «это исполняет такой-то хор», или «это из оперы...». И всегда точно!

Я выросла и понимаю, что я так не могу. Но зато не очень удивилась, увидев, что, смотря со своего балкона на столб дыма над горевшей тбилисской оперой, бабушка горько плачет. На мои утешения она ответила: «Эх, девочка, ты не поймешь. Ведь моя молодость прошла в этих стенах. Я знала, где какая щербинка была на какой ступени лестницы». А ведь она никакого отношения не имела ни к вокальному искусству, ни вообще к музыке. Просто слушала. Просто посещала оперу.

На моей памяти здание оперы горело два раза. Всего, кажется, это случилось три раза. В последний раз, когда я уже работала в ГрузНИИТП и Шура Пичхадзе, зав. отделом химической технологии, показал мне образцы обгоревшей ткани, вырезанной из кресел оперы и принесённой в наш институт для определения причины возникновения пожара. Нет ли следов воспламеняющихся и воспламеняющих веществ? След был. Мир не без «добрых» людей. Как давно это было!!!

В послевоенное время и в период, когда я училась в Москве, в аспирантуре, в Тбилиси была система продажи абонементов в оперу и в драматические театры города. Наша семья, как правило, покупала по два абонемента в оперу (обязательно) и в какие-нибудь драматические театры. Последние каждый год менялись. Но опера в Тбилиси была одна! Кто воспользуется абонементом, решалось обычно по ситуации, спокойно. Конфликтов на этой почве не помню. Приоритет принадлежал мне. Старшие, как правило, уже слышали или смотрели спектакль. Особенно активно абонементом пользовались мама и бабушка в те годы, когда не стало ни дедушки, ни папы, а я училась в Москве. «Мы в какой-нибудь театр ходили каждую неделю» – позже рассказывала мне мама. «Даже соседи замечали это и добродушно слегка посмеивались. „Опять наши театралки пошли. Куда сегодня?“ А вечером, дождавшись, расспрашивали о впечатлении от увиденного». Я вспоминаю, что абонемент в оперу гарантировал посещение одной премьеры и выступление двух гастролёров. Гастролёры часто посещали Тбилиси, этот гостеприимный, красивый, чётко аплодирующий, даже при небольших удачах, город.

В годы войны у нас с мамой появилась традиция всю неделю обсуждать один вопрос: а куда мы пойдём в воскресенье? Вариантов было несколько. Это: пойдём в свой дом, на Сабуртало, в «Дом ударников» (откуда мы временно переселились к бабушке в Сололаки), в зоопарк, в цирк или в оперу.

Первый раз мы с мамой пошли в оперу, когда мне ещё не было пяти лет. Мы с мамой так решили, но почему-то в то воскресенье, утром, с 12-ти часов, шла опера Гуно «Фауст». Мама заколебалась, я расстроилась. Тогда мама сказала: «Мы решили, и мы пойдём в оперу». «Исецкий тоже будет петь» – проговорила бабушка. Исецкого я запомнила, потому что с ним связана сплетня, которая будоражила тбилисцев. Известный солист тбилисской оперы умер от сердечного приступа в доме любовницы. Об этом долго судачили. Вот, и я до сих пор помню. Безобразие, ведь сколько забыто. Но, видимо, это неизбежная сторона нашего сознания.

В опере я пришла в тихий восторг. В тихий, потому что громко я никогда свой восторг не демонстрировала. Не делаю этого и сейчас. Не умею. Не хочу. Это у меня от бабушки, от её воспитания. В опере сначала всё шло хорошо. Но вдруг на затемнённой сцене взмах чёрного плаща с красной блестящей подкладкой и зловещий голос: «Сатана там правит бал, там правит бал...» Я в ужасе спрятала голову в коленях, сидящей рядом мамы. Она обняла меня. Мне стало легче. Так я просидела до окончания оперы. Такое тоже было.

В годы войны, в дошкольном возрасте я научилась читать. У бабушки в шкафу я обнаружила две связки довоенных журналов. Одна связка – «Огонёк», другая – «Вокруг света». Там же лежала книга Тарле «Наполеон». Первое, что я посмотрела, были журналы «Вокруг света». Там было много интересных картинок и мне очень хотелось узнать, что там происходит,

что это такое. Объяснение было в статье, к которой относилось фото. Я начала просить маму прочесть мне. Я её очень ждала после работы. Узнав, который час, я спускалась по лестнице вниз и напряжённо, стоя у последней ступени, смотрела на другой конец небольшого Петхаинского переулочка, куда должна была завернуть с улицы Энгельса, идущая с работы, мама. Я бросалась ей навстречу. Мы обнимались и, крепко взявшись за руки, дружно и быстро преодолевали 105 ступенек Петхаинского подъёма. Быстро, потому что были молоды.

Я очень торопила маму, которая каждый день на перерыве слушала сказки и должна была пересказать их мне. Очередную сказку ей рассказывала одна рабочая производства, которая их знала множество. Почти каждый перерыв она, подружившись с мамой, прибегала к ней в бухгалтерию и рассказывала с продолжениями, для пересказа мне. Кое-что мама даже записывала, чтобы не забыть. Иногда мама по дороге, в день зарплаты, покупала мне детскую книжечку, которую тоже вечером читала мне. Я и сейчас, когда пишу об этом, вижу молодую маму, сидящую на тахте, и себя, прижавшуюся к ней и с наслаждением слушающую маму. Видимо, одновременно с этим я заучивала буквы. Специально азбуке меня не учили, но всегда отвечали на вопрос, когда я выясняла, как звучит эта или та буква. Во всяком случае, я понемножку стала читать «Вокруг света» и «Огонёк». В итоге к моменту, когда мне надо было уже идти в школу, я читала довольно бегло и даже прочла с собственными купюрами Тарле «Наполеон». (Всю жизнь борюсь с таким «методом» чтения, заставляю себя прочитывать то, что мне кажется скучным или ненужным по сюжету, плохо написанным. Есть книги, которые я просто не могу заставить себя прочитать, не могу и всё! Ужас какой-то! Когда я встречаюсь с такой книгой, я пытаюсь заставить себя ещё и ещё раз. Не получается. Всё внутри и даже снаружи сопротивляется. Мне становится некогда, появляются срочные дела... Зато если книга нравится, я её «глотаю» и потом снова и снова возвращаюсь к ней.)

Постепенно я втягивалась и в арифметику. Здесь тоже велика роль мамы. Как-то она даже мне, пятилетней, подбросила таблицу умножения. Очень было интересно. Хотя, огромные счёты, на которых мама пыталась меня учить, очень не понравились.

Но вернусь к войне. Не помню когда, то ли в 41-ом или в 42-ом, к нам из Баку переехала мама бабушки, моя прабабушка. Ей тогда было 60. Тихая, спокойная, очень выдержанная. Тогда в Тбилиси организовывали бомбоубежища, но их было мало и, в случае бомбардировок, в них планировалось пропускать малых и старых. Наше бомбоубежище располагалось в подвале церкви, которая возвышалась перед нашим домом. Из нашей семьи им могли пользоваться только я и прабабушка. Остальные готовились тушить зажигательные бомбы и помогать пострадавшим. Дважды в Тбилиси объявлялась воздушная тревога, но мы с бабушкой отказались идти в бомбоубежище. Это были одиночные самолёты-разведчики противника, которые на большой высоте пролетали над Тбилиси. Тут же включались мощные прожектора, которые начинали шарить по тёмному небу и, наконец, два прожектора «ловили» серебряный самолётик. Вместе они пересекались и вели его долго-долго, пока самолёт не вылетел за пределы Тбилиси. Я как зачарованная, видимо по малости лет, не представляющая всей опасности происходящего, смотрела на это зрелище. У меня был страх, но зрелище мне казалось очень красивым. Ещё не доросла до понимания всей окружающей меня реальности. Сейчас, когда в кино я вижу аналогичные кадры, то я думаю, что в действительности всё выглядело более живописно и выпукло, что ли.

Другой раз тревога застала нас в «Доме ударников», куда мы с мамой пришли ночевать в субботу на воскресенье. Нам очень хорошо было у бабушки, но всё равно мы скучали по нашему дому, нашей комнатке. Услышав противный вой, мы с мамой кинулись по лестнице вниз, в бомбоубежище, в подвал нашего дома. Мимо, расталкивая нас, промчалась соседка по нашей коммунальной квартире, Эрмоне, которая высоко держа руку, несла надетое на вешалку, только что приобретённое новое платье. Но бомбёжка в Тбилиси, к счастью, так и не случилась, и на следующий день весь наш многоэтажный 5-ти подъездный дом смеялся,

пересказывая друг другу, как Эрмоне спасала единственную свою ценность – новое платье на вешалке, чтобы платье не помялось.

Мои ожидания прихода из работы мамы на первых ступеньках Петхайнского подъема привели к одному, очень значимому инциденту.

Спустившись к переулку, ведущему от улицы Энгельса к лестнице, я уселась на аккуратно обточенные крупные камни, обрамляющие лестницу на этом участке с двух сторон. Было чуть больше 6-ти часов вечера. Вокруг никого не было. Жарко. Вдруг я заметила на противоположной стороне сторублёвку, лежащую аккуратно на камне. Я кинулась и подняла её. Очень обрадовалась. А вокруг опять никого нет. А я знаю, что у нас в семье всегда туго с деньгами. Покрутилась там минуту-две, помахала деньгой и побежала домой. Взлетела по лестнице и ворвалась в комнату, где за швейной машинкой сидела бабушка, и торжественно положила перед ней сторублёвку. «Это что?» – неожиданно очень холодным голосом спросила бабушка. Захлёбываясь от волнения, я рассказала всё подробно. «Это деньги твои?» – тем же голосом спросила бабушка. Тут я заметила, что она не разделяет моей радости. «Возьми (деньги) и положи туда, откуда взяла. Не свои деньги никогда не бери. Придёт их хозяин и возьмёт». Меня как окатило холодной водой. Мне стало плохо и стыдно. Что-то внутри меня сопротивлялось, но я молча взяла деньги, отнесла их, положила и быстро ушла, чтобы их не забрали при мне. Я была уверена, что это будет не хозяин, а случайный прохожий. После этого случая я не могу прикасаться не к моим деньгам. У меня возникает ощущение, что я могу обжечь руку. А ведь тогда мне было всего 5 лет.

Тогда же случилось ещё одно событие. В детстве я почему-то очень плохо кушала. Заложив кусочек еды за одну щёку, я могла обнаружить его, не проглоченным, через некоторое время за другой щекой. Очень не любила глотать. Была худющая. И, несмотря на это, помню диалог.

– Бабушка: «Когда кушаешь, никогда не держи открытым рот. Жуй с закрытым ртом»

– Мама, усталым голосом: «Мама, да пусть кушает как хочет, лишь бы что-нибудь съела!»

Сейчас, глядя на меня, трудно поверить, что меня дразнили за худобу, а мама водила к врачам: «что не так, что делать?» Врачи успокаивали её, «девочка здорова, потерпите, скоро начнёт полнеть». Так всё и случилось. Были периоды в моей жизни, даже слишком. Трудно в жизни найти равновесное состояние.

А со мной в этот период случилась неприятность. Кто-то принёс вкуснейшую селёдку. Я её ела, по-моему, в первый раз в моей жизни. Съев кусочек, не смогла остановиться. Ела жадно, забыв все наставления бабушки. Ночью я не могла заснуть. Что-то очень кололо в горле. Утром, когда все разошлись по делам, я уговорила бабушку отвести меня в поликлинику. Бабушка не хотела, она заглянула в горло – ничего не видно, наверное, царапина. «Заживёт» – уговаривала она, «а у меня столько дел. Обед, стирка...» Но я настояла и бабушка, ворча, повела меня в поликлинику. Заглянув в моё горло поглубже, врач охнула. Там торчала, широким концом и закрывала глотку, воткнутая в горло, кость селёдки. И я услышала, как фельдшерица, готовя какие-то инструменты, пробормотала: «Ну, вот, теперь будет рёв». Это было сказано очень кстати, потому что я тут же дала себе слово – не плакать! И не издала ни одного звука. Говоря правду, замечу, что врач очень ловко, быстро и безболезненно достала рыбью кость, длиной 5—6 см, и 0,5 см шириной в самом широком месте. Половина кости была окровавлена. Бабушке дали валерианку. Домой мы шли молча. Я чувствовала себя счастливой, а бабушка задним числом переживала произошедшее и свою «невнимательность».

Проходило время, менялась ситуация на фронте. Начались салюты. Для дома, в котором мы жили, настали трудные времена. Батарея, которая производила салют с так называемой Комсомольской аллеи (горы, нависающей над центральной и старой частью города), была расположена в точности над нашим домом. К тому же, первые салюты проводились боевыми снарядами. На крышу нашего дома и во двор сыпались осколки и даже гильзы, ещё что-то. Мы,

дети, утром собирали осколки. Старая полуржавая крыша плохо выдерживала такой натиск. Дедушка бегал в домоуправление. Оттуда присылали рабочих, которые латали тряпьём и мазутом пробоины на крыше. Точка была поставлена, когда какой-то горячий осколок упал на ногу гостыи, пришедшей к соседям с первого этажа нашего двора. Так как такой салют ей был неведом, она выскочила радостно приветствовать его. Зрелище с нашей высоты действительно было изумительно красивое, но пришлось вызывать скорую помощь. Всё это дошло, наконец, и до артиллеристов, которые располагались над нами, и нам стало жить поспокойнее.

В эти дни произошло ещё одно событие, взбудоражившее весь двор. Ночью увели тётю Наташу. Она, милая тётя Наташа, очень добрая и приветливая женщина, работающая где-то медсестрой, была, оказывается, гречанкой. Оказывается, взрослые знали, а я – нет. Почему её из-за этого увели, я не совсем понимала. Но особенно я пожалела её, когда бабушка вернулась с вокзала, где она проводила тётю Наташу. Как она узнала, откуда и когда её направляют?! Тогда у меня не возникали эти вопросы. Теперь – да. Она смогла увидеть её и даже передала свёрток чего-то съестного. И оба плакали. Дома бабушка уже не плакала, но ходила очень нервно и говорила, что-то не очень мне понятное. Дедушка вышел на общий балкон и наблюдал, не слушает ли бабушку ещё кто-нибудь.

Бабушка, в общем, была молчаливой особой, но иногда она меня удивляла своими умо-заклечениями. Например, в дни празднования 50-летия Октябрьской революции, она задумчиво сказала: «Это надо же, обманывая народ, они смогли просуществовать целых 50 лет». Или, однажды, придя домой после работы, я услышала от неё упрёк: «Какие у тебя дети советские». «А какие должны быть?! Что случилось?» Оказывается, придя домой из школы, они на вопрос бабушки, какую рыбу хотите кушать, отварную осетрину или жареный хек, дружно ответили – хек. Бабушка искренне была возмущена. Дать предпочтение хеку!!!

История с бабушкиной соседкой тоже получила своеобразное продолжение. Комнату тёти Наташи получила проводница Люба. Беленькая, пухленькая, голубоглазая, молодая. Была осень. Последняя военная осень. Почему-то в нашей семье было весело. Иногда и во время войны выпадали такие вечера. Сестры мамы весело дразнили меня. Они говорили, что ноги у меня – макароны, а руки – вермишельки. Щекотали меня. Я весело хохотала. Вдруг нам показалось, что мы услышали женский крик. Все сразу замолкли. Тишина. Мы хотели продолжить наши забавы, но весёлое настроение куда-то исчезло.

Через некоторое время со двора стали слышаться крики. Кричала соседка, очень интеллигентная немолодая Саша Немсадзе. Все высыпали наружу. Задыхаясь от ужаса и слёз, тётя Саша рассказала, что она сидела на стульчике перед своей квартирой и увидела, как пришёл любовник Любы – начальник поезда бригады. Он и Люба начали скандалить, и через несколько минут он выскочил во двор и побежал по лестнице вниз, размахивая окровавленным ножом. Тётя Саша стала звать Любу и, не получив ответа, приоткрыла её дверь. Люба лежала мёртвая в луже крови. На следующее утро труп Любы, покрытый простынёй, на которой местами проступала кровь, унесли, и я это видела, стоя на балконе, своими глазами. Потом тётя Саша присутствовала на суде и, придя с его заседаний, собирала весь двор и объясняла случившееся.

Оказывается, Люба болела страшной болезнью, сифилисом, в очень серьёзной форме. В тот вечер начальник поезда даже нашёл какую-то медицинскую карточку, удостоверяющую это. А у начальника родился сын, который заболел, и врачи выяснили, что болела и его жена и сам начальник, заразившись от Любы. И это всё выстраивалось у меня в голове и, хотя я не знала, что такое «любовник», «сифилис» и, вообще, откуда берутся дети, схема всего была ясна. Хотя всё это я слушала, в общем, урывками и вопросов не задавала. Чувствовала, что это неудобно, вызовет неловкость, и ответа я не получу. Но схема мне была ясна, потому и вопросов особенно у меня не было. Детали меня как-то не интересовали. Вот так растёт ребёнок, загружаясь опытом окружающей его жизни.

А потом было безмерное счастье – кончилась война.

5. Керчь, заводской двор, пляж, война

Мне всегда хотелось побывать в тех местах, где воевал мой папа. Прикоснуться как-то к тому, что на грани жизни и смерти. Почувствовать энергетику своего отца, такую добрую, неторопливую, вдумчивую. Когда я была в Польше и побывала в Кракове, я подумала, что в Польше я хотела бы жить в Кракове. И всегда хотела побывать в Керчи. Керченскую часть войны, с самого её начала, папа мне рассказывал, и сегодня этот рассказ представляется мне в виде ясной и чёткой картины.

Первые месяцы войны, наши отступают. Папина часть окопалась у края большого заводского двора завода им. Кирова или Карпова (не помню) в Керчи. В здании завода уже немцы. За спиной у наших солдат – полоса пляжа и море. Чёрное море. Над позицией наших солдат низко пролетают немецкие самолёты. Просто расстреливают наших солдат. наших самолётов не видно. Прошёл слух, что отдан приказ «отступить». Кто как может. Но куда? За спиной море. Любое движение по линии окопов пресекается выстрелами из заводского здания и сверху, с самолётов. «Не верь» – говорил мне отец, «что снаряд дважды не попадает в одно и то же место. Попадает, даже трижды». Немцы не торопились. Они понимали, что оставшейся горсточке солдат никуда не деться. Наши понимали, что это последний день. Завтра – смерть или плен. Папа набрасывает последнее послание маме. «Я не буду уничтожать партбилет и последний патрон в пистолете – мой. Не верь, если скажут, что я попал в плен. Джулю отдай в русскую школу...» Эту записку он передал маме потом при первой встрече. Напряжение нарастало. У некоторых не выдерживали нервы. Пулемётчик, лежащий рядом с отцом, вдруг вскочил и с криком «а-а-а» побежал по заводскому двору. Его тут же расстреляли. Стреляли с двух сторон. Наступила ночь. Вдруг папа услышал лёгкий шум со стороны моря и тихий голос: «Хлопцы, тихо перебирайтесь сюда». Старик-украинец подплыл к ним на своей лодке. Папа и находящиеся вокруг солдаты тихо перебрались в лодку, и старик вывез их в расположение советских войск.

В каком-то из городов Северного Кавказа (не помню в каком), был назначен сбор тех, кто смог выбраться и не попасть в плен. «Тогда немцы в плен не очень брали» – рассказывал папа, «если узнавали, что член партии или офицер, расстреливали на месте». И вот собралась большая толпа, отступивших, так сказать, неорганизованно, советских солдат. У офицеров сорваны ими же погоны. У членов партии где-то выброшены, на случай попадания в плен, партбилеты. Только у моего отца сохранился партбилет, заботливо обёрнутый в какую-то бумажку. Генерал, который беседовал с каждым и направлял поступающих в ту или иную часть, вывел отца перед толпой и продемонстрировал его и его партбилет. И ещё папе дали единственный за время войны двухнедельный отпуск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.